

знатность» (1774) говорится о чести и добродетели как о достоинствах дворян, т. е. выдвигается сословный принцип. Перерабатывая оду в 1794 г., поэт заменяет слово «дворянство» словом «вельможа»: породу заменяют личные заслуги человека, отличившегося на государственном поприще.

Однако жизнь человека просветителями понималась как удовлетворение исконных, «естественных», от рождения данных потребностей. Этим утверждалась законность требований личности на счастье и свободу. Так, в произведениях Державина воссоздается яркий, вещный, сияющий мир; поэт прославляет жизнь плотскую, радостную и индивидуальную. Но в таком случае противоречиво решался вопрос: а что же определяет общественное поведение индивида? Коль скоро личная жизнь понималась как семейно-бытовая, а не социальная, то из нее не могла быть выведена гражданская деятельность. И Новиков выдвигает теорию человека как средства (статья «О достоинствах человека. . .»), утверждает, что внушенный богом нравственный долг повелевает человеку трудиться на благо общества. И у Державина, и у Новикова в принципе и личная жизнь, и общественная деятельность представляются как «естественная» функция человека, но они никак не связаны между собой, не определяют друг друга, а разве что соседствуют и ограничивают друг друга. Поэтому в стихотворении «К первому соседу» (1780) Державин пишет:

Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

(I, 106)

Вот почему пышно описанные в «Вельможе» пиры и празднества не содержат обвинения плохим сановникам: по типу они близки к описаниям в стихотворении «Приглашение к обеду» и даже могли бы быть туда вставлены. Державин порицает недостойного вельможу не за роскошную жизнь, а за то, что тот за пирами забыл о вдовах и инвалидах, которые ждут в приемной его помощи. Для примера сравним «Вельможу» с «Размышлениями у парадного подъезда» Некрасова. Ситуации сходны. Но у Некрасова мотив социальной сатиры и обличения проникает в описание быта министра, его личная жизнь является объяснением общественной позиции, и наоборот, — это две стороны одного явления («Но счастливые глухи к добру»).

У Державина, как видим, эти две стороны (быт и социальное бытие) распадаются на две обособленные сферы. И синтезировать их поэту не удастся: общественная жизнь даже не описывается, а декларируется — патетично, абстрактно, риторично; быт же изображается эмпирически. Самое же большее, что мог сде-

до Пушкина. М., 1969, с. 367—432; Серман И. З. Г. Р. Державин. Л., 1967; Запатов А. В. Мастерство Державина. М., 1958.